

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 821.161.1.09-1 + 929

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-338-347>

Шифр научной специальности 5.9.1

Эманация «мысли народной» Л. Толстого в творчестве Б. Окуджавы

Евгений Евгеньевич ИВАНОВ

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
 ayaom@list.ru

Аннотация. Сфокусирован вопрос аксиологической роли русской литературы в создании гуманитарного образа России. Заострено внимание на кажущейся несовместимости пацифистских воззрений и позиций безусловной необходимости защиты Родины в Отечественных войнах. Произведено сопоставление позиций Л. Толстого и Б. Окуджавы по данной проблематике в свете концепции синтетической теории П.Н. Сакулина, определяющей преемственность идей в культуре. Проанализированы диахронические различия в формировании образа русского народа как защитника своей земли ценой самопожертвования. Проблематизируется смысл понятия «народ» в разные периоды исторического времени и его преломление в меняющемся социальном контексте. В этой связи фиксируется духовный инвариант, сохраняющий свою роль в культуре от А.С. Пушкина до наших дней. С опорой на тексты стихотворений Б. Окуджавы обосновано решение противоречий между пацифизмом, неприятием войны и защитой отечества как модусом спасения «земли» от вселенского зла, которое не привязано к какой-то определённой нации. Установлено, что у Л. Толстого народ-защитник метафоризируется в образе пчелиного роя – в динамическом качестве, а у Б. Окуджавы та же идея предстаёт в монолитно-фитоморфной форме древовидного «врас-тания» в землю. Доказано, что Россия изображается в своём соприродном праве, а естественное право на защиту места обитания от насильственного вторжения детерминирует гуманитарный образ России. Подчёркнут всечеловеческий пафос отрицания агрессии в творчестве данных авторов.

Ключевые слова: рой, народ, защита, самопожертвование, насилие, война

Для цитирования: Иванов Е.Е. Эманация «мысли народной» Л. Толстого в творчестве Б. Окуджавы // Нефилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 338-347. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-338-347>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Emanation of L. Tolstoy's "folk thought" in the work of B. Okudzhava

Evgeniy E. Ivanov

Irkutsk State University

1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russian Federation

 ayaom@list.ru

Abstract. The issue of the axiological role of Russian literature in creating the humanitarian image of Russia is focused. Attention is focused on the seeming incompatibility of pacifist views and positions of the unconditional need to defend the Motherland in the Patriotic Wars. The positions of L. Tolstoy and B. Okudzhava on this issue are compared in the light of the concept of the synthetic theory of P.N. Sakulin, which determines the continuity of ideas in culture. The diachronic differences in the formation of the image of the Russian people as a defender of their land at the cost of self-sacrifice are analyzed. The meaning of the concept of "people" in different periods of historical time and its refraction in a changing social context are problematized. In this regard, a spiritual invariant is fixed, which retains its role in culture from A.S. Pushkin to the present day. Based on the texts of B. Okudzhava's poems, the solution of the contradictions between pacifism, the rejection of war and the defense of the fatherland as a modus of saving the "land" from universal evil, which is not tied to any particular nation, is substantiated. It has been established that L. Tolstoy metaphorizes the people-defender in the image of a bee swarm – in a dynamic quality, while B. Okudzhava presents the same idea in a monolithic-phytomorphic form of a tree-like "growing" into the ground. It is proved that Russia is depicted in its natural right, and the natural right to protect the habitat from violent invasion determines the humanitarian image of Russia. The all-human pathos of denial of aggression in the work of these authors is emphasized.

Keywords: swarm, people, protection, self-sacrifice, violence, war

For citation: Ivanov, E.E. Emanation of L. Tolstoy's "folk thought" in the work of B. Okudzhava. *Neofilologiya = Neophilology*, 2023;9(2):338-347. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-338-347>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Сложность положения вещей в окружающей реальности актуализирует творчество писателей, которые внешне выглядят непоследовательными. Общим для Л. Толстого и Б. Окуджавы является не только неприятие войны, включая пацифизм, но и то, что их имена ассоциируют с текстами патриотического содержания, которые по праву можно назвать народными. Выбор для сравнения Л. Толстого, автора масштабной эпической формы, и Б. Окуджавы, известного преимущественно душевными песнями, обусловлен тем, что ставилась цель показать непре-

рывность русского Логоса, которая не зависит от жанрово-родовых параметров. И тот и другой знают войну из жизненного опыта, так как они участвовали в военных действиях. Тем более что в творчестве Б. Окуджавы можно говорить о жанрово-родовой конвергенции, так как «своеобразная отрешённость автора предопределяет одновременно и театральность лирики, и её прозаизацию, достигающую иногда эпической масштаба» [1, с. 67].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

С.С. Бойко справедливо указывает на одну из характерных черт творчества поэта:

«открытость художественной системы Окуджавы к разнообразию текстов культуры при сохранении самобытности» [2, с. 14]. Для диссипативного (открытого) понимания «мысли народной» предлагается релятивистский подход, который позволяет устойчивое значение слова «война» дать в контекстуальной актуализации. Так, война 1806–1807 гг. противоположна по своей сути войне 1812 г. И отвращение к ней, возникшее у толстовских героев, оправданное в первом случае, оказывается недопустимым во втором. О «мысли народной» как топосе наследия Толстого написано много. И мы не станем подвергать сомнению сложившуюся точку зрения. В качестве гипотезы данной работы выступает положение о том, что противоречие пацифизм/патриотизм не является неразрешимым, а, демонстрируя принцип дополненности, создаёт целостность представления о войне и мире в преломлении близких по духу авторов.

Дискретная масса индивидуализированных сознаний или личностей во время войны переходит в «роевое» состояние, в коллективный субъект как единое целое, в котором самостные различия людей теряют свою значимость. Возникает аксиология другого уровня, исключая на время пребывания в «рое» убеждения, в мирное время вполне естественные.

Чтобы тексты время от времени обновлялись, их необходимо заново пересматривать. Это утверждение касается и терминов. Одна и та же дефиниция в разной системе отчёта может превратиться в свою противоположность. «Пацифизм» в мирное время и в военных периодах истории, когда насильственное противостояние людей не связано с защитой Отечества (например, гражданская война), коннотируется безусловно положительно, а во время справедливого сопротивления захватчикам пацифизм неблагоприятен, бесчестен и скорее трусость, чем гуманистический паттерн. Энантиодромичность (по Гераклиту) «мысли народной» как нелинейного феномена уходит своими корнями ещё в агиографическую традицию, когда русские святые в мирное время создавали и служили богу, а в тяжёлые для народа времена, нару-

шая христианскую заповедь «не убий!», брались за оружие, как, например, Александр Невский, поскольку служение богу и служение народу в русском самосознании коррелируют.

В задачи исследования входило показать не только органичность кругозоров Л. Толстого и Б. Окуджавы русской картине созидательного мира, но и их общегуманитарный, всечеловеческий характер; продемонстрировать развитие «мысли народной» как социоприродной гармонии, которая у Л. Толстого выражена в роевом феномене, а у Б. Окуджавы в связи с архетипом матери-земли. Для их выполнения задействован культурно-исторический, компаративистский и феноменологический методы анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Культурные смыслы, ценности и идеалы русского народа с наибольшей очевидностью и силой транслирует русская литература. П.А. Кропоткин считал, что «русская литература представляет такие богатейшие сокровища оригинального поэтического вдохновения; в ней чувствуются свежесть и юность, которые отсутствуют в более старых литературах» [3]. Вслед за синтетической теорией П.Н. Сакулина, который постулировал «закон внутреннего единства» национальной литературы, «мы хотим только взять в органической цельности те явления, которые по природе своей связаны между собою, но изучаются нами разрозненно»¹. Нам уже приходилось отмечать, что «автор как создатель «художественного мира» – носитель системы взглядов, которая работает в контексте культурных кодов, а миссия писателя – не разбрасывать, а собирать камни, но по «иному», чем почитаемые им предшественники в литературе» [4, с. 18]. Прочитаем П.Н. Сакулина: «...то, что вошло однажды в культурное и литературное сознание, так или иначе будет проявлять себя вплоть до наших дней»². Исходной позицией в нашем исследовании стало признание Л. Толстого, который «в «Войне и

¹ Сакулин П.Н. Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925. С. 34.

² Там же. С. 85.

мире» любил мысль народную, вследствие войны 12-го года»³. Современные интерпретаторы определяют «мысль народную» как «единство народа, согласие между людьми, братство, милосердие друг к другу, патриотизм» [5, с. 208].

При сохранении духовных констант изменённая картина глобального мира оказала влияние на художественность, присущую литературе неклассической парадигмы. Эманация идей классики в современную литературу сопровождается их обновлением при возникновении новых стилевых и мировоззренческих свойств. И хотя «связь лирического мира Окуджавы с толстовским космосом начинается на уровне самых общих ценностных оснований и корней» [6, с. 26], воплощение «мысли народной» у Л. Толстого и Б. Окуджавы не совпадают.

У Л. Толстого высшей онтологической формой существования человека есть «жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы»⁴. В его репрезентации народа подчёркиваются динамический и энергический компоненты, которые выражены в словах солдата Пьеру: «всем народом навалиться хотят»⁵. В этом и состоит сокрушительная и необоримая сила «роя» в момент защиты государства, хотя в мирное время рой летающих насекомых выглядит идиллической утопией. Если идти дальше в бестиарном отождествлении, то ярость всенародная ближе всего к разъярённой реакции на вторжение в улей пчёл, так как именно эти существа олицетворяют «самопожертвование и тотальное самоотвержение» [7, с. 541].

Кульминацией «роевого» эффекта в «Войне и мире» мы полагаем не только объединение разрозненных в мирное время аристократического и низшего сословий, но и то, что простонародные персонажи становятся учителями жизни для высоколобых интеллектуалов. Наиболее яркой фигурой в этом отношении предстаёт образ мудрого Платона

Каратаева, который живёт в не зависимости от просветительских ловушек сиюминутного прагматизма Запада, а в перспективе вечности. Он утверждает, что всё решается «не нашим умом, а божьим судом». Внутри высшего сословия, однако, не все способны слиться с народом. Только «любимые персонажи» Л. Толстого (Ростовы, Болконские, Пьер Безухов) воспринимают народный вектор как экзистенциальный выбор. Формулировку Ф. Достоевского в письме к брату М. Достоевскому 31 октября 1838 г. можно транспонировать и на «мысль народную»: «Ум – орудие, машина, движимая огнём душевным»⁶. «Огонь душевный» в национальном теле-рое простого народа близок к природе, а «ум» – машина прогресса, который осуществляют образованные герои. В объединении этих двух элементов состоит единственный положительный эффект военного бедствия. Иллюзорный блеск светской жизни с её подражанием французским образцам под трагическим очищением войны меняется на истинный свет единения с народом.

Время Б. Окуджавы ещё более акцентировало проблему насилия после Гражданской войны, сталинских репрессий и Второй мировой войны. Это повлияло на гражданскую позицию его лирического героя в отношении к народу. Если у А.С. Пушкина смысловые пары «поэт и толпа» и «народ и власть» разделены, а у Л. Толстого центральным вопросом ставится роль личности в истории, то в творчестве Б. Окуджавы все эти три момента в поле зрения лирического я как части многосоставного феномена, который не ограничивается пределами России. После успехов русской словесности в XIX веке уже не было необходимости в утверждениях о соответствии наших культурных кодов западным. Окуджавский лирический герой многоипостасен, он помнит о своих кавказских корнях, он воспекает столицу России Москву («карбатский текст») и он человек мира, житель планеты. Согласимся с наблюдением И.В. Кукулина: «Идентичность в неподцензурной литературе или в постсоветском обществе все-

³ Толстая С.А. Дневники: в 2 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 502.

⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 6. С. 10.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1996. Т. 15. С. 14.

гда оказывается неконвенциональной, «не по правилам»: она даёт человеку чувство обретенного пути, историчности собственного существования и именно поэтому вырывает его из общества и даже противопоставляет обществу» [8]. Образ народа в поэзии Б. Окуджавы неоднозначен. Патриархальная модель «хозяин и работник» (Л. Толстой) как единый организм в момент смертельной опасности в бесклассовом обществе не находит места. Его сегрегация народа ближе к пушкинской: подобие народа в виде толпы холопов («Мне русские милы из давней прозы»⁷ (далее в тексте цитируются стихи из этого издания), «Мнение пана Ольбрыхского»⁸) и «русские» как великая нация, давшая миру плеяду гениев и потенцирующая надёжную защиту своей земли во время нападения внешнего врага. Б. Окуджава не идеализирует народ в мирное время, в отличие от Л. Толстого, но оба писателя изображают феномен отечественной войны по сути одинаково – как время сплочения неоднородных и конфликтующих в мирное время слоёв населения. Война, являясь всемирным злом, собирает нацию в кулак, а значит, духовные ресурсы народа в мирное время скрыты и аккумулируются только в отдельных его представителях, таких как декабристы, Циолковский, Гейне, Моцарт, круг друзей поэта – шестидесятники. Это некая общечеловеческая гуманитарная элита «мирового древа» с разными корнями. По мнению Д.О. Курилова, «от романтического искусства поэт перенимает обострённое чувство личности, в просветительской же этике ему близко соположение нравственного и природного» [9, с. 14].

В мирное время актуализируется понятие «человечество», фрактально состоящее из народов, содержащих общую духовную матрицу. Гений Л. Толстого инициировал данную идею в историософском отступлении в «Войне и мире», когда он называет историю «бессознательной, общей, роевой жизнью человечества»⁹. То есть классик дейст-

вие роевого закона как имманентного для русского народа в защите своего Отечества экстраполирует на всё человечество, не выпячивая Россию как уникальный феномен. В таком миролюбивом подходе Россия не противопоставляется народам западного мира, а, наоборот, интегрируется в гуманистическую модель существования всего человечества как единого целого.

Для творчества Б. Окуджавы характерна поликультурность и глубокая восприимчивость современности. Свою жизнь после ранения в 1942 г. он осознаёт как подарок «Провиденья» и пишет о долге перед не вернувшимися с полей сражений, который понимается им как ответственность литератора за сказанные в поэзии слова. В стихотворении «Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых» он пишет:

И так всё сошлось, дорогая: наверно, я там
не сторел,
чтоб выкрикнуть здесь, догорая, про то,
что другой не успел.

Но вместо пушкинского императива «глаголом жечь сердца людей», лирическое я Б. Окуджавы склонно к христианско-покаянным декларациям:

История нам кажется дурной.
А сами мы?.. А кто тому виной?..
Скорей назад, покуда вечер поздний

Я знаю этот мир не понаслышке:
я из него пророс,
но за его утраты и излишки
с меня сегодня спрос.
Мне русские милы из давней прозы

Еврей, о России тоскующий,
на совести горькой моей
Под крики толпы угрожающей

Простите меня, турки-месхетинцы!
Простите меня, крымские татары!
Я рад бы был покоем восхититься

В отличие от А. Пушкина, лирическое я адресует свои пронзительные послания не «толпе», а её жертвам:

⁷ Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 518.

⁸ Там же. С. 497.

⁹ Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 6. С. 10.

Когда-нибудь предъявят счёт потомки
мне одному... Я вас прошу; простите!
Я рад бы был покоем восхититься

Народность у Б. Окуджавы не национальный феномен, а место рождения и язык коммуникации, который он манифестирует как «вместилище любви и до и после нас» («Мнение пана Ольбрыхского»:

Да, я москвич, и там мой дом, и сердце,
и броня...
Японская фантазия

Процитируем Н.В. Ковтун: «Произведения Б. Окуджавы, как правило, вписывают в классическую традицию, пронизанную антивоенным пафосом, восходящую к творчеству Л.Н. Толстого...» [10, с. 238]. Образ войны у Б. Окуджавы изображается в двух планах, которые существуют параллельно, не создавая коллизии между собой. Во-первых, это вселенское зло, во-вторых, это «мысль народная» по Л. Толстому – безусловная обязанность гражданина:

Товарищ мужчина,
а всё же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе.
Песенка о пехоте

Как полагает М.А. Александрова, лирический герой «задумывается о природе войны как таковой» [11, с. 458]. Поэтому у Б. Окуджавы часто встречается риторика неприятия насилия в её легитимных формах:

Нас ведь создал Бог для счастья
каждого в своём краю.
Отчего ж глухие страсти
злобно сводят нас в бою?
От войны войны не ищут

В стихотворении «Всему времечко своё: лить дождю, Земле вращаться» читаем: «Гордых гимнов, видит Бог, я не пел окопной каше». Иллюзия военной романтики у Б. Окуджавы развенчивается, подаётся в ироническом ключе: «Бумажный солдатик», «Песенка весёлого солдата», «Старый король», «Оловянный солдатик моего сына», «Военные портняжки», «Батальное полотно», «Дер-

зость, или разговор перед боем», «Ироническое обращение к генералу», «Аты-баты шли солдаты», «Солнышко сияет, музыка играет», «Примета». В любовной лирике поэта военные мотивы конверсируются в любовные, ведущие к порождению, а не истреблению людей: «Часовые любви на Смоленской стоят», «То падая, то снова нарастая». Б. Окуджава за ура-патриотизмом, бравурностью и романтикой войны показывает её истинную картину:

Твои лихие кони
не смогут ничего:
ты весь – как на ладони,
все пули – в одного.
Не верь войне, мальчишка

Солдат идёт с винтовкой, врага он не боится.
Но вот какая странность в душе его творится:
он пушки ненавидит, и войнам он не рад.
Не каждому поэту удача выпадает

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, убивал.
А может, просто вечером в кино я побывал?
И не хватал оружия, чужую жизнь круша,
и руки мои чистые, и праведна душа.
Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал

В стихотворении «А мы с тобой, брат, из пехоты» «мысль народная» как эманация толстовской идеи у Б. Окуджавы реализуется в лексеме «брат». Защитники Родины – братья и сёстры матери-земли, независимо от национальности, а убитые пребывают в вечности. Идея защиты Родины как праведного общего дела транслируется в ряде стихотворений: «Распахнуты дома. Безмолвны этажи», «Моё поколение», «Воспоминание о Дне Победы».

У И.И. Плехановой читаем: «Русская генетическая память латентно-самобытна: она не воинственна, её трагизм питается не ненавистью, но стойкостью перед давлением извне» [12, с. 113]. В ряду «ключевых субъектов поэзии Б. Окуджавы» ставится «Солдат», который «выполняет конститутивную роль по отношению к категориям времени и пространства» [13, с. 41]. Лирический хронотоп, отразивший тему противодействия захватчику, у Б. Окуджавы обладает идиостилевой индивидуальностью. Если «мысль народная»

у Л. Толстого воплощена в динамическом модусе «навалились», то имагинативность поэтики Б. Окуджавы сопрягается с семиозисом растительного мира, по-друидски древовидно. Жизнь дерева – медитация, образец созерцательности и несуеты. Поэт – странник, путник и философ: «Много ли нужно человеку, идущему по земле?», «Сыпь, вечер, звёзды. Сыпь», «Ходьба – длинноногое чудо дорог», «Утро в Тбилиси», «От нервов ли, от напряженья», «Пешеходов родословное древо», «На белый бал берёз не соберу».

В стихотворении «Чудесный вальс», например, передано медиативное слияние человека с миром деревьев:

А музыкант играет вальс. И он не видит
ничего.
Он стоит, к стволу берёзовому прислонясь
плечами.
И берёзовые ветки вместо пальцев у него,
а глаза его берёзовые строги и печальны.
А перед ним стоит сосна, вся в ожидании
весны.
А музыкант вырастает в землю... Звуки вальса
льются...
И его худые ноги как будто корни той сосны –
они в земле переплетаются, никак
не расплетутся.

Если в мирное время виталистическое укоренение героя контаминировано с музыкальным трансом, то мир войны – это выжженная земля, беззвучный смертельный мирнав, что представлено в песне «Белорусский вокзал», ставшей из-за своей архетипической глубины одним из лучших музыкальных текстов о подвиге русского народа:

Здесь птицы не поют,
деревья не растут,
и только мы, плечом к плечу,
вырастаем в землю тут.
Горит и кружится планета,
над нашей родиной дым,
и, значит, нам нужна одна победа,
одна на всех, мы за ценой не постоим.

Война у Б. Окуджавы ассоциируется с неподвижностью фатального зла. В системе образов его поэтики ходьба и движение по дорогам коннотируют жизненный путь, а ста-

тика войны вызывает адекватную партиципацию, которая монументально преграждает путь злу. Динамический модус противодействия насилию (дух), воспринятый Б. Окуджавой из «мысли народной» Л. Толстого, усиливается статическим фактором, который символизирует восточный компонент русского евразийства (душа). Лирический герой Б. Окуджавы не только персонификация «народной дубины», сокрушающей врага, он и живой древовидный щит-заслон, сквозь который никому не удастся пройти. Таким образом, идеологическая составляющая повествующего я, номинируемая «шестидесятилетием», в лирике Б. Окуджавы предстаёт злободневным поиском выхода из тупика бесконечных войн, которые ведёт человечество. Она растворяется в вечном образе антимилитаристского, многонационального, креативного народа, который находится в гуманитарном поиске, порой жертвуя своим благополучием. Лирический герой подключён и к духовным исканиям А. Пушкина и Л. Толстого, и к вселенской антинасиловательной матрице, которая обозначена у Б. Окуджавы лексемой «планета» как часть космоса, и к «нашей родине», которую следует («а значит») спасти от смертельного «огня» любой «ценой». Образ русского солдата декларирован в его спасательной и защитной функции на фоне всемирного бедствия как самопожертвование мы-народа и образец служения идеалам добра и справедливости.

ВЫВОДЫ

Как заметила исследователь прозы Л. Толстого К.А. Нагина, «отказ от индивидуальности, радостное подчинение естественно-стихийному, экстатическое ощущение радости от свершающегося бытия» присутствует ещё в «Казаках» [14, с. 238]. К сожалению, и до сих пор «рай на земле» только прекраснотупицкая утопия, транслируемая русской литературой в мировую культуру. В конце творческого пути Б. Окуджавы написаны следующие строчки:

Всякая жизнь на земле – волшебство.
Болью земли своей стражем и мучимся,

а вот соседа любить своего
всё не научимся, всё не научимся.

Под «соседом» здесь имеется в виду всемирный и всенародный землянин, который не оставлен «надеждой» и «гордым и горьким, и острым как гвоздь, карим и страждущим глазом человечества». Толстовская «мысль народная» вписывается в художест-

венную картину мира Б. Окуджавы, прирастающая значением всенародного единения в глобальном, хотя и далёком от совершенства мире. «Мысль народная» в общем гуманитарном контексте преемственности идей Л. Толстого в поэзии Б. Окуджавы выходит за рамки военно-патриотической тематики в область феноменологии и антропологии, в широкое культурологическое поле.

Список источников

1. *Алексеева Л.Ф.* Лирический субъект и адресат поэзии Булата Окуджавы // *Миры Булата Окуджавы*: сб. ст. 3 Междунар. науч. конф. М.: Соль, 2007. С. 65-70. <https://elibrary.ru/pbtpxe>
2. *Бойко С.С.* Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 38 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004618311>
3. *Кропоткин П.А.* Этика. Происхождение и развитие нравственности. М.: Политиздат, 1991. 493 с. URL: <https://kropotkin.site/etika?ysclid=lescarn0cvk502640351>
4. *Иванов Е.Е.* Принципы построения художественного мира в творчестве Г. Газданова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2022. 21 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011093300>
5. *Гречушкина Н.В.* Мысль народная в первой книге романа-эпопеи М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» // *Новый филологический вестник*. 2022. № 2 (61). С. 208-217. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-2-208>, <https://elibrary.ru/xhmdwd>
6. *Дубшан Л.С.* О природе вещей // *Окуджава Б.Ш. Стихотворения*. СПб.: Академический проект, 2001. С. 5-55. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000693868>
7. *Ханзен-Леве Оге А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 813 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002410399>
8. *Кукулин И.В.* Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х годов) // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2. С. 324-336 URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/regulirovanie-boli.html> (дата обращения: 14.11.2022).
9. *Куршилов Д.О.* Особенности сюжета в лирике Б. Окуджавы // *Теория и практика инновационных технологий в АПК*: сб. ст. Национальной науч.-практ. конф. Воронеж, 2020. С. 234-241. <https://elibrary.ru/yxxhkp>
10. *Ковтун Н.В.* Образ школяра в прозе Б. Окуджавы о войне // *Проблемы исторической поэтики*. 2023. Т. 21. № 1. С. 236-256. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.11802>, <https://elibrary.ru/jgzaye>
11. *Александрова М.А.* Стихотворение Булата Окуджавы «Оловянный солдатик моего сына» в культурно-историческом контексте 1960-х годов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2019. Т. 19. № 4. С. 455-459. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-194-455-459>, <https://elibrary.ru/yqymzv>
12. *Плеханова И.И.* Рефлексы памяти о войне: глубина в споре со временем // *Литература о войне: эволюция смыслов и трансформация образов*: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 104-114. <https://elibrary.ru/cabvpc>
13. *Сидорова М.Ю., О Чжон Хюн.* Система субъектов в лирической поэзии – ключ к инвариантным смыслам художественного Мира Автора // *Филология и человек*. 2014. № 3. С. 36-47. <https://elibrary.ru/svqeev>
14. *Нагина К.А.* «Роевая жизнь» и радость бытия в произведениях Л. Толстого // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2019. Т. 29. № 2. С. 234-239. <https://elibrary.ru/bbttca>

References

1. Alekseeva L.F. Liricheskii sub"ekt i adresat poezii Bulata Okudzhavy [Lyrical subject and addressee of the poetry of Bulat Okudzhava]. *Sbornik statei 3 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii "Miry Bulata Okudzhavy"* [Proceedings of the 3rd International Scientific Conference "Worlds of Bulat Okudzhava"]. Moscow, Sol' Publ., 2007, pp. 65-70. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pbtpxe>
2. Boiko S.S. *Tvorcheskaya ehvolyutsiya Bulata Okudzhavy i literaturnyi protsess vtoroi poloviny XX v.: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Creative Evolution of Bulat Okudzhava and the Literary Process of the Second Half of the 20th Century: Dr. habil. (Philology) diss. abstr.]. Moscow, 2011, 38 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004618311>
3. Kropotkin P.A. *Ehtika. Proiskhozhdenie i razvitie npravstvennosti* [Ethics. Origin and Development of Morality]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 493 p. (In Russ.) Available at: <https://kropotkin.site/etika?ysclid=lescarn0cvk502640351>
4. Ivanov E.E. *Printsipy postroeniya khudozhestvennogo mira v tvorchestve G. Gazdanova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Principles of Building the Artistic World in the Work of G. Gazdanov: PhD (Philology) diss. abstr.]. Ivanovo, 2022, 21 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01011093300>
5. Grechushkina N.V. People's thought in the first book of the novel by M.A. Sholokhov "They fought for the Motherland". *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, 2022, no. 2 (61), pp. 208-217. (In Russ.) <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-2-208>, <https://elibrary.ru/xhmdwd>
6. Dubshan L.S. *O prirode veshchei. Okudzhava B.Sh. Stikhotvoreniya* [On the Nature of Things. Okudzhava B.Sh. Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2001, pp. 5-55. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000693868>
7. Khanzen-Leve Oge A. *Russkii simvolizm. Sistema poehticheskikh motivov. Mifopoehticheskii simvolizm. Kosmicheskaya simvolika* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motives. Mythopoetic Symbolism. Space Symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003, 813 p. (In Russ.) Available at: <https://d.eruditor.one/file/2188026/>
8. Kukul'in I.V. Regulirovanie boli (Predvaritel'nye zametki o transformatsii travmaticheskogo opyta Velikoi Otechestvennoi / Vtoroi mirovoi voiny v russkoi literature 1940–1970-kh godov) [Pain regulation (Preliminary notes on the transformation of the traumatic experience of the Great Patriotic / World War II in Russian literature of the 1940s–1970s)]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Ration], 2005, no. 2, pp. 324-336. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/regulirovanie-boli.html> (accessed: 14.11.2022).
9. Kurilov D.O. Peculiarities of the plot in lyrical works by B. Okudzhava. *Sbornik statei Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferencii «Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologii v APK»* [Proceedings of the National Scientific and Practical Conference "Theory and Practice of Innovative Technologies in the Agro-Industrial Complex"]. Voronezh, Voronezh State Agrarian University Publ., 2020, pp. 234-241. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yxxhkp>
10. Kovtun N.V. The image of a schoolboy in the B. Okudzhava's war prose. *Problemy istoricheskoi poehtiki = The Problems of Historical Poetics*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 236-256. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.11802>, <https://elibrary.ru/jgzaye>
11. Aleksandrova M.A. The poem by Bulat Okudzhava my "Son's tin soldier" in the cultural and historic context of the 1960s. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 455-459. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-194-455-459>, <https://elibrary.ru/yqymzv>
12. Plekhanova I.I. Reflex of memory on war: depth of argument with time. *Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii «Literatura o voine: ehvolyutsiya smyslov i transformatsiya obrazov»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Literature about War: the Evolution of Meanings and the Transformation of Images"]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2020, pp. 104-114. (In Russ.) <https://elibrary.ru/cabvpc>
13. Sidorova M.Yu., O Chzhon Khyun Sistema sub"ektov v liricheskoi poezii – klyuch k invariantnym smyslam khudozhestvennogo Mira Avtora [The system of subjects in lyrical poetry is the key to the invariant meanings of the artistic Author's World]. *Filologiya i chelovek = Philology & Human*, 2014, no. 3, pp. 36-47. (In Russ.) <https://elibrary.ru/svqcev>

14. Nagina K.A. "Swarm life" and the joy of being in the works of L. Tolstoy. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2019, vol. 29, no. 2, pp. 234-239. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bbttea>

Информация об авторе

Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, преподаватель-исследователь кафедры филологии и методики, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>, ayaom@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ художественной литературы, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 26.12.2022
Одобрена после рецензирования 14.03.2023
Принята к публикации 23.03.2023

Information about the author

Evgeniy E. Ivanov, PhD (Philology), Teacher-Researcher of Philology and Methods Department, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>, ayaom@list.ru

Contribution: study conception, fiction analysis and searching, manuscript text drafting and design.

Received December 26, 2022
Revised March 14, 2023
Accepted March 23, 2023